

МАРИО ВАРГАС ЛЬОСА

ГОВОРИТЕЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.134.2-31(85)
ББК 84(7Пер)-44
В18

Серия «Эксклюзивная классика»

MARIO VARGAS LLOSA
EL HABLADOR

Перевод с испанского *Д. Симицной*

Серийное оформление *А. Фереа, Е. Фереа*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Печатается с разрешения Misti Copyright, S.L.
и Agencia Literaria Carmen Balcells, S.A.

Варгас Льюса, Марио.

В18 Говоритель: [роман] / Марио Варгас Льюса; [перевод с испанского Д. Симицной]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 320 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-185893-3

Марио Варгас Льюса (1936–2025) — перуанский писатель, один из выдающихся представителей латиноамериканской прозы, лауреат Нобелевской премии по литературе 2010 года, премии Сервантеса и других авторитетных премий, член Французской академии, кавалер ордена Почетного легиона.

Если ты мачигенга, ты должен идти. Так повелел Тасуринчи. А если мачигенга когда-нибудь остановятся, им все равно придется уйти — туда, откуда еще никто не возвращался. У них нет имущества, кроме того, что можно нести на себе. Да и зачем? Ведь Тасуринчи подарил им девственный лес, бархатистые лагуны и зеркальные реки, вдохнул в них легенды и мифы и — самое ценное — коллективную память, воплощенную в таинственном Говорителе.

УДК 821.134.2-31(85)
ББК 84(7Пер)-44

© Mario Vargas Llosa, and Heirs
of Mario Vargas Llosa, 1987
© Перевод. Д. Симицна, 2026
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2026

ISBN 978-5-17-185893-3

Пролог

В середине 1958 года я впервые поехал в перуанскую сельву. Там, в домике на берегу озера Ярина, я услышал от двух американских лингвистов, супругов Снейл, о рассказчиках из народа мачигенга. Эти первобытные говорители несли свои истории через леса от поселения к поселению и тем самым поддерживали жизнь в общине, которая неминуемо раздробилась бы и распалась вследствие дальних расстояний и отчуждения, если бы не эта связующая пуповина; образ говорителей с тех пор сопровождал меня и с каждым днем все настойчивее побуждал придумать историю уже о них. Много лет спустя я так и сделал, изучив сначала обширные свидетельства фольклористов, этнологов и миссионеров-доминиканцев и побывав в деревнях самих мачигенга в верховьях и среднем течении реки Урубамба. «Говоритель» — разумеется, роман, то есть история, в которой фантазия играет более важную роль, чем память. Но любые отсылки

к мифологии, обычаям и традициям этого народа, на протяжении всего своего существования сталкивавшегося с трагической жестокостью, основываются на несомненно объективных источниках.

Марио Варгас Льоса
Мадрид, 8 октября 2007 года

*Посвящается Луису Льосе Урете в его безмолвии
и всем кенкицатацирира из народа мачигенга*

I

Я приехал во Флоренцию, чтобы на время забыть о Перу и перуанцах, но однажды утром моя горемычная страна неожиданно-негаданно сама меня нашла. Я, помнится, посетил недавно отреставрированный дом Данте, забрел в церквушку Сан-Мартино-дель-Весково, потом в переулок, где поэт, по легенде, впервые увидел Беатриче, и вдруг, на улочке Санта-Маргерита, мое внимание приковала одна витрина: луки, стрелы, резное весло, кувшин с геометрическим орнаментом и манекен, облаченный в плотно сидящую кушму* из дикого хлопка. Но самое главное — три или четыре фотографии: именно они разом вернули мне ощущение перуанской сельвы. Широкие реки, грузные деревья, хрупкие каноэ, шаткие хижины на сваях и грядки, а на них — мужчины и женщины, полуголые, разрисованные, пристально смотрящие на меня с глянцевых снимков.

Я, естественно, зашел внутрь. По спине бегали странные мурашки; я предчувствовал, что сейчас

* Кушма — туника у коренных народов Амазонии. Здесь и далее, если не указано иного, примечания переводчика.

совершу глупость, из банального любопытства поставлю под угрозу свой тщательно выверенный и до сих пор безупречно выполнявшийся план — пару месяцев вчитываться в Данте и Макиавелли и всматриваться в ренессансную живопись в нерушимом одиночестве, — спровоцирую очередную незаметную катастрофу из тех, что время от времени ставят мою жизнь с ног на голову. Но, естественно, я зашел.

Галерея была крохотная. В единственное помещение с низким потолком, чтобы развесить все фотографии, поставили два стенда и каждый с обеих сторон заполнили снимками. Худенькая девушка в очках взглянула на меня из-за столика. Можно ли посмотреть выставку «I nativi della foresta amazzonica»*?

— Certo. Avanti, avanti**.

Никаких предметов внутри галереи не выставлялось, только фотографии, по меньшей мере штук пятьдесят, почти все довольно крупные. И все без подписей, но кто-то, может, сам Габриеле Мальфатти, пояснял в тексте на пару страничек, что снимки — результат двухнедельного путешествия по амазонским землям департаментов Куско и Мадре-де-Дьос на востоке Перу. Фотограф задался целью «без демагогии

* Коренные жители амазонской сельвы (*ит.*).

** Конечно. Проходите, проходите (*ит.*).

и приукрашивания» передать повседневную жизнь племени, которое до недавних пор не имело контактов с цивилизацией и было рассеяно на большой территории группами в одну или две семьи. Лишь в наши дни оно начало собираться в местах, изображенных на снимках, но многие до сих пор живут в лесной глуши. Название племени значилось в испанском написании, без ошибок: мачигенга.

Фотографии в общем соответствовали намерению Мальфатти. Мачигенга на них метали гарпун с берега, подымали, прячась в зарослях, лук и целились в капибару или белобородого пекари, собирали маниок на крошечных огородиках вокруг недавно построенных деревень — возможно, первых в их истории, — врубались ударами мачете в опушку леса, собирали ветви пальм на кровлю для хижин. Женщины, усевшись кружком, плели циновки и корзины; другой кружок занимался головными уборам: вставлял яркие перья ар и прочих попугаев в деревянные обручи. Одни тщательно расписывали лица и тела краской из дерева ачиоте, иные разжигали костры, сушили кожи, заквашивали маниок для масато* в сосудах в форме каноэ. Фотографии красноречиво говорили

* Масато — напиток из ферментированного маниока в перуанской Амазонии. При традиционной форме приготовления маниок пережевывают перед заквашиванием, чтобы ускорить процесс.

о том, как их мало, этих людей, в окружающей необозримости неба, воды, растений, говорили об их хрупкой и скудной жизни, их изоляции, их архаичности, их незащищенности. И правда: без демагогии и приукрашивания.

То, что я сейчас расскажу, — не позднейшая моя выдумка и не обманка памяти. Я четко помню, как переходил от снимка к снимку с чувством, которое в определенный момент превратилось в тревогу. Что с тобой? Что в этих образах могло вызывать в тебе подобное угнетение?

Я почти сразу узнал поляны, где высятся Новый Свет и Новый Мир — не прошло и трех лет, как я там был, — а при виде последнего панорамного снимка во мне мгновенно ожило ощущение катастрофы, возникшее, когда мы виртуозно приземлились там на «цессне» Института лингвистики, стараясь не попасть в гущу ребятишек мачигенга. Мне даже показались знакомыми лица некоторых мужчин и женщин, с кем я беседовал при посредничестве мистера Снейла. И окончательно я уверился, когда увидел на одной фотографии — я помнил этот вздутый животик, эти живые глаза — мальчика, чей рот и нос были изъедены утой, кожной болезнью. Так же невинно и естественно, как в свое время нам, он показывал камере отверстие, через которое хорошо просматривались клыки, нёбо и миндалины, отчего он становился похож на таинственного зверя.

Фотография, которую я ожидал увидеть с первого шага по галерее, нашлась одной из последних. Сразу же становилось понятно, что все запечатленное на ней сообщество мужчин и женщин, сидевших в кругу на амазонский манер — поза похожа на восточную: ноги скрещены и поджаты, спина очень прямая — и омытых слабым светом перетекающих в ночь сумерек, сосредоточено и заморожено, будто под гипнозом. Они были абсолютно неподвижны. Все лица, как бы прочерчивая радиус, обратились в центральную точку, в сердцевину круга, образованного из них, из ма-чигенга, околдованных мужчиной, который стоял там, говорил и махал руками. Спина у меня похолодела. Я подумал: «Как Мальфатти умудрился добиться, как ему позволили...?» Наклонился, придвинул лицо к фотографии. Я смотрел на нее, обнюхивал, проникал в нее глазами и воображением, пока не заметил, что девушка встает из-за столика и обеспокоенно направляется ко мне.

Я постарался унять сердцебиение и спросил, продаются ли фотографии. Нет, она думает, что нет. Они принадлежат издательству «Риццоли». Оно, кажется, планирует сделать книгу. Я попросил связать меня с фотографом. К сожалению, это невозможно:

— Il signore Gabriele Malfatti è morto*.

* Синьор Габриеле Мальфатти умер (*ит.*).

Умер. Да. От лихорадки. Подцепил какой-то вирус в тамошних джунглях, forse. Бедняга! Он ведь был модный фотограф, работал в «Вог», в «Уомо», в таких журналах, понимаете, снимал моделей, мебель, драгоценности, платья. Всю жизнь мечтал совершить что-то необычное, что-то более личное, вроде вот этого путешествия в Амазонию. А когда наконец поехал, и даже книжку его собирались издать, взял и умер! Что ж, теперь ей *dispiache**, но уже время *pranzo*** и нужно закрывать галерею.

Я поблагодарил. Прежде чем вновь выйти во Флоренцию, навстречу ее чудесам и ордам туристов, успел бросить последний взгляд на ту фотографию. Да. Никаких сомнений. Говоритель.

II

У Сауля Суратаса было темно-лиловое, цвета винного уксуса, родимое пятно, покрывавшее всю правую сторону лица, и рыжие нечесанные волосы, похожие на щетину швабры. Пятно не постеснялось залезть на ухо, на губы и на нос, извергалось на них, пухлое и жилистое. Самый безобразный парень в мире — и при этом приветливый и очень обаятельный. Я в жизни не встречал такого чело-

* Жаль (*ит.*).

** Обеда (*ит.*).

века, как он; человека, который с первой же минуты производил бы впечатление полной открытости — без всякой двойной подкладки, — широкой души, кроткого нрава; человека, который в любых обстоятельствах выказывал бы одинаковую простоту и добросердечность. Мы познакомились, когда сдавали вступительные экзамены в университет, и довольно близко дружили (насколько можно дружить, скажем, с архангелом), особенно на первых двух курсах гуманитарного факультета. Начал он с того, что указал на свое пятно и со смехом сообщил мне:

— Меня все зовут Образинка, кум. Угадай — почему?

Мы в Сан-Маркосе тоже стали так его называть.

Он родился в Таларе, и каждый приятель был у него «кум». В любой его фразе проскальзывали просторечные, уличные словечки и выражения, отчего даже самые задушевные беседы начинали звучать шутивно. Вся загвоздка его жизни, говорил он, состояла в том, что папаша слишком обогатился на своей лавочке и в один прекрасный день решил переехать в Лиму. И как только они перебрались, значит, в столицу, старикан ударился в иудаизм. В Таларе, портовом городке под Пьюрой, он, насколько Сауль помнил, был не слишком-то религиозен. Пару раз заставлял сына за Библией, но даже не пытался вбить Образинке

в голову, что тот принадлежит к иному народу и к иной вере, чем остальные таларские мальчишки. Зато в Лиме началось. Вот незадача! Бес в ребро, понимаете ли. Точнее, Авраам с Моисеем в ребро. Етить! Нам, католикам, повезло. Католичество — просто два пальца оплевать, ничего сложного: ну, сходишь к мессе на полчаса раз в неделю, да в первую пятницу месяца причастишься, даже не заметишь. А вот ему всю субботу приходится просиживать штаны в синагоге, час за часом, и не раззеваешься, и надо еще притворяться, будто тебе интересно, что там бубнит раввин — хоть и не понятно ни шиша, — иначе разочаруешь папашу, а он все-таки уже старенький, да и человек каких поискать. Если бы Образинка ему признался, что уже давно перестал верить в Бога, а свою принадлежность к избранному народу, как бы помягче выразиться, в гробу видал, бедного дона Соломона точно хватил бы удар.

С доном Соломоном я тоже вскоре познакомился. Он пригласил меня на воскресный обед. Их дом стоял в Бренье, за школой Ла Салье, на унылой улице, перпендикулярной проспекту Арика. Глубокие комнаты были забиты старой мебелью и полнились возгласами говорящего попугайчика, обладателя кафкианских имени и фамилии, который непрестанно повторял прозвище Сауля: «Образинка! Образинка!» Отец с сы-

ном жили одни; еще имелась служанка, которая приехала с ними из Талары и не только готовила им, но и помогала во вновь открытом доном Соломоном продуктовом магазинчике. «Вон тот, видишь, где на решетке шестиконечная звезда, кум. Называется „Звезда“ — в честь звезды Давида, понял, да?»

Меня поразило, какой любовью и каким вниманием Образинка окружал своего отца, согбенного небритого старца, волочившего изуродованные подагрой ноги в туфлях, похожих на римские котурны. По-испански тот говорил с сильным русским или польским акцентом, хотя, как рассказал мне, вот уже больше двадцати лет жил в Перу. Вид у него был плутоватый и дружелюбный: «Я ведь в молодости хотел стать цирковым акробатом, а жизнь довела до прилавка. Что вы скажете за такое разочарование?» Сауль его единственный сын? Да, единственный.

А мама Сауля? Умерла через два года после переезда в Лиму. Черт, какая жалость, судя по фотографии, она была совсем молодая, да, Сауль? Да, совсем молоденькая. С одной стороны, Образинку, конечно, безумно печалила ее кончина. Но с другой, кто знает, может, для нее так лучше. Потому что в Лиме она очень страдала. Он сделал мне знак, чтобы я придвинулся поближе и, понизив голос (излишняя предосторожность: дона Соломона мы оставили крепко спящим в кресле-качал-